

УДК94(571.6)''1935/1936'':314.04

doi 10.17072/2219-3111-2022-2-133-142

Ссылка для цитирования: *Исаев А. А., Савчук А. А.* Дискуссии о запрете абортс среди дальневосточного населения в 1930-е годы: между свободой выбора и государственной идеологией// Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2(57). С. 133–142.

ДИСКУССИИ О ЗАПРЕТЕ АБОРТОВ СРЕДИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ: МЕЖДУ СВОБОДОЙ ВЫБОРА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

А. А. Исаев

Дальневосточный федеральный университет, 690090, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8
isaev.aa@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-4750-7215

А. А. Савчук

Дальневосточный федеральный университет, 690090, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8
savchuk.aa@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-4554-2420

В статье рассматривается проблема восприятия дальневосточным населением планировавшегося в 1936 г. запрета абортс. Данный вопрос в 1930-е гг. приобретал политический окрас, поскольку социально-экономические проблемы населения (жилищные, продовольственные), ставшие побочным эффектом социалистических преобразований стали оказывать давление на семью. К 1936 г. в политике СССР окончательно сформировался поворот к тоталитаризму. Отличительной чертой тоталитарных режимов является контроль деторождения с целью увеличения числа детей для восполнения будущих или имеющихся демографических потерь. Этот контроль входит в конфликт с репродуктивной свободой женщины, однако подается как исключительная возможность, данная государством. Перед принятием законопроекта о запрещении абортс он был вынесен на обсуждение дальневосточного населения, в целом отрицательно высказавшегося о возможности запрета абортс при существующих жизненных условиях и отсутствии контрацепции. Негативные настроения носили как латентный (скрытый) характер, проявлявшийся в беседах с коллегами и в кругу семьи, так и открытый находивший воплощение в ходе публичных выступлений. Центральная и местная власть предпринимала попытки искоренить любые критические настроения и негативную реакцию различными средствами, в том числе и путем активизации агитационно-пропагандистской работы с применением вербальных и визуальных средств убеждения. И хотя власти были прекрасно осведомлены о недовольстве населения законопроектом, он все-таки был принят. Однако в итоге привел к кратковременному увеличению рождаемости с ее последующим возвращением на уровень 1935 г. и к смертям женщин от подпольных абортс.

Ключевые слова: аборт, биополитика, пропаганда, Дальневосточный край, идеология, гендерная история, история повседневности.

Испокон веков перед правителями и правительствами стояла задача сбережения человеческого капитала, бывшего основой натурального хозяйства, однако после начала промышленного переворота вопрос перешел в другую плоскость: сколько человек необходимо, чтобы, с одной стороны, обеспечить рабочими руками заводы и фабрики, а с другой – не увеличить число бедняков? Чем активнее росло число людей, тем более из подданных – патерналистского концепта заботы – они превращались в население, абстрактную и безличную категорию, которой можно было распоряжаться в интересах государства. В XVIII в. Томас Мальтус впервые предложил людям контролировать деторождение путем позднего вступления в брак и отказа от секса даже между супругами. Произошел обратный поворот к консервативному восприятию секса, зачатия и деторождения, связанный с возникновением пуританства и появлением буржу-

азной семьи. Ситуация осложнялась высокой материнской и младенческой смертностью. «В мире, где рождение ребенка таило смертельную опасность жизни матери, обостряло проблемы пропитания семьи, угрожало потерей работы незамужней служанке, оно вызывало страх, беспокойство и даже агрессию», – пишет Р. Зидер [Зидер, 1997, с. 40].

В. И. Ленин не одобрял получившую широкое распространение теорию неомальтузианства, постулировавшую необходимость сокращения рождаемости ввиду нехватки природных ресурсов: «Мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше не надобно» (Ленин, 1961, с. 257). Он считал, что эта политика претит пролетариату, так как направлена прежде всего на сокращение численности рабочего класса. В то же время в условиях Гражданской войны Ленин выступал за отмену всех законов, преследующих аборт или пропаганду контрацептивов, видя в праве на аборт и предохранении от беременности азбучные демократические права гражданина и гражданки (Там же). В 1920 г. в РСФСР постановлением народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин» впервые в мире были легализованы аборт как частный выбор женщины. Допускалось бесплатное прерывание беременности в больнице; запрещалось аборттировать кому бы то ни было, кроме врача; акушерка или бабка, произведшие аборт, лишались практики и предавались суду наряду с теми врачами, которые делали операцию из корыстных побуждений (Постановление народных комиссариатов..., 1920, с. 475). Несмотря на то что абортное законодательство 1920 г. было идеологическим шагом, выражающим либеральные идеи [Avdeevetal., 1995, p. 40], изначально решение прервать беременность подавалось не как выбор женщины, проистекавший из ее права распоряжаться своим телом, а как временная мера. Тем не менее разрушение традиционного брака и патриархальной семьи сделало сексуальную сферу относительно автономной сферой гендерного порядка [Темкина, 2008, с. 230], а гражданские права и абортная политика оказались тесно связаны с социоэкономической сферой жизни женщины в противовес репродуктивной автономии [Fernandez, 2020]. В 1920-х гг. идеи женской эмансипации, необходимость для женщин работать, учиться и получать профессию, разрушение традиционной патриархальной семьи, официальная пропаганда образа «новой женщины» привели к формированию на повседневно-бытовом уровне представлений о праве женщины на свою жизнь и свое тело. Эти идеи прижились не только в центре страны, но и на дальневосточной окраине. В силу специфики гендерной ситуации в регионе, сложившейся еще в царское время, женщин на Дальнем Востоке было меньше, чем мужчин, что отчасти давало дальневосточникам большую свободу в выборе жениха, а необходимость вести хозяйство в экстремальных условиях при периодическом отсутствии мужа (охота, заработка, казачья служба) – большую самостоятельность в принятии решений. Кроме того, дальневосточный регион – это район с высоким уровнем миграции, что делало дальневосточное население, особенно в крупных городах (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Никольск-Уссурийский), более восприимчивым к новым идеям и культурным кодам.

В течение 1920-х гг. общество в СССР привыкло и приспособилось к широкому производству аборттов как к основному способу регулирования количества детей в семье. Подобный способ контрацепции получил название абортной культуры [Савчук, 2013, с. 67]. Темпы снижения рождаемости в ходе реализации данного закона в среднем составляли 2–2,5 % в год, что привело к сокращению на 12 % в течение 1925–1930-х гг. и к дальнейшему 25%-му снижению за период 1930–1935 гг. В учреждениях Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в 1934 г. родилось около 3 млн детей, а было аборттировано 700 тыс., т.е. на каждые 4 факта рождения приходился 1 аборт [Урланис, 1963, с. 27–28]. Те же тенденции мы можем наблюдать и в дальневосточном регионе. Так, в городах Дальневосточного края в 1933 г. было сделано 12 398 аборттов, в 1934 г. – 17 604 абортта, а в 1935 г. – 22 004 абортта (Шрайбер, 1936, с. 4). Подобный рост числа прерванных беременностей привел в итоге к тому, что в официальном биополитическом дискурсе тех лет аборт был признан девиацией брачного поведения [Савчук, 2012, с. 53–57].

К началу 1930-х гг. в СССР сформировался конфликт между двумя аспектами повседневной жизни женщины, которые Хуан Фернандес определяет как социоэкономическую сферу (когда беременная женщина имеет социальные характеристики или окружение, ожидающее от нее адекватного родительства) и личную сферу – «ondemand» (когда единственным основанием

для аборта становится желание женщины) [Fernandez, 2020]. Период 1930-х – середины 1950-х гг. исследователи определяют как тоталитарную андрогинию и экономическую мобилизацию женщин, идущую параллельно с традиционалистским откатом в политике семейно-брачных отношений. На идеологическом уровне происходит формирование этакратического гендерного порядка с контрактом «работающая мать». От женщины ждут, что она будет работать на производстве, рожать советских граждан и воспитывать их в духе лояльности коммунистической морали [Темкина, 2008, с. 34–35].

25 мая 1936 г. было принято Постановление ЦИК СССР «О передаче на обсуждение трудящихся законопроекта о запрещении абортов, помощи роженицам, расширении сети родильных домов, яслей и т.п.», которое было опубликовано в большинстве наиболее распространенных центральных и региональных газет. Правительство сразу обозначило причину создания данного документа: он был разработан, якобы ввиду многочисленных просьб трудящихся женщин. Обсуждение законопроекта осуществлялось в стране с 27 мая по 27 июня 1936 г. [Стяжкина, Мирошниченко, 2012, с. 29]. Официальную позицию государства высказал Н. Шверник: «Запрещение абортов выражает самые душевные чаяния миллионов трудящихся женщин нашей страны, для которых впервые созданы все необходимые условия, чтобы рожать здоровое, счастливое потомство» (Шверник, 1936, с. 40).

Так началась кампания по обсуждению актуального вопроса о запрете абортов в регионах страны. Ш. Фицпатрик отмечает, что законопроект 1936 г. представлял собой официальную позицию государства относительно семьи, а для свободного выражения мнений существовали вполне очевидные препятствия [Фицпатрик, 2008, с. 184]. Тем не менее население различных регионов СССР активно включилось в дискуссию о необходимости запрета абортов, разделившись на его противников и сторонников. Для нас особый интерес представляет дискуссия по законопроекту на Дальнем Востоке страны как отражение конфликта между личным и социально-экономическим в том виде, в котором он сформировался к середине 1930-х гг., в условиях окраинного региона с более поздней советизацией.

В Дальневосточном крае (ДВК) законопроект обсуждался в трудовых коллективах на предприятиях и в организациях, на транспорте, в учебных заведениях, в колхозах и совхозах. Местные власти в ходе обсуждения документа осуществляли широкую политико-идеологическую массовую разъяснительную работу среди населения, демонстрируя, что данный законопроект несет в себе заботу о семье, женщине и ее здоровье с целью одобрения документа. «Самое существенное в этом проекте, конечно, не алименты, а борьба с этой вакханалией в семье, которая создалась под влиянием лозунгов периода военного коммунизма, высказанных тогда Коллонтай и Троцким, – заявлял во время обсуждения документа профессор Писцов. – Путем запрещения абортов мы укрепим и еще выше поднимем авторитет нашего Союза» (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 379).

Как правило, проект законопроекта обсуждался и одобрялся на собраниях рабочих и служащих в городах и районах ДВК: Ворошилове (Авторемзавод, педагогический техникум), в Ворошиловском районе, в Приамурской области (Автогужтрест), во Владивостокском горсовете. Трудящиеся вносили предложения об ужесточении мер ответственности алиментщиков, штрафования инициаторов разводов, увеличении государственной помощи матерям и т.д. [Васильченко Э.А., Васильченко О.А., 2003, с. 38]. «Аборты болезненно отражаются на организме. На лечение уйдет больше сил и времени, чем на воспитание ребенка. Нужно наладить производство безвредных для организма противозачаточных средств», – считала тов. Калашникова (Востокрыбосбыт) (Трудящиеся Владивостока..., 1936, с. 3).

Вместе с тем в ходе проходивших обсуждений отмечались критические высказывания, которые подвергали сомнению целесообразность принятия данного закона. Некоторая часть населения – как мужчины, так и женщины – заявляла, что если закон будет принят, то он будет нарушаться. «Этот проект – хорошее мероприятие, но в условиях СССР он является утопией. Правительство зашло в тупик. Нет роста населения, не хватает рабочих рук. Наша молодежь будет нарушать закон, отчего еще больше увеличится смертность женщин от самоабортов», – заявлял врач Старокотлицкий (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 38). Уборщица школы Петренко в ходе обсуждения проекта закона о запрете абортов заявляла: «Все равно аборты будут делать. Я вот имею 7 детей, а если бы я самостоятельно не делала абортов, то их у меня была бы целая

уйма, а я их больше не хочу рожать» (Там же. Л. 378). «По моему мнению, – говорил учитель школы Варганов, – проект закона Правительства нужно считать неверным, т.к. женщина не мужчина, чтобы родить бесконечно». Общее собрание сотрудников Дальзаготпушнины выступало за разрешение аборт в случае, если мать имела «дефективного ребенка» или существовал риск передачи наследственных заболеваний (Трудящиеся Владивостока..., 1936, с. 3). «Аборты запрещать нельзя. Так или иначе их будут делать негласно. Об этом говорят многие женщины. Нельзя, наконец, женщин превращать в рожальные машины и этим самым лишать их возможности жить свободно», – говорила машинистка Крайпрокуратуры Иоффе. «Одного ребенка еще можно иметь, а чтобы иметь больше – не соглашусь. К черту такой законопроект – с ним и жизнь не увидишь», – заявляла студентка Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) Закастрова. «Если запретят аборты, то не жизнь будет, а мучение. Вместо раскрепощения женщины получается ее закрепощение», – говорила студентка ДВГУ Микулаева (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 379).

Дальневосточницы отрицательно отнеслись к законопроекту. Они исходили из неудовлетворительных квартирных условий, специфических условий работы жен военнослужащих (частые переброски), работниц транспорта, крупных промышленных предприятий и сельской местности. Высказывались опасения, что запрещение аборт усугубит положение женщин в быту и оторвет их от общественной и культурной жизни страны. Этим опасениям в значительной мере способствовали плохая организация детских площадок и отсутствие развитой системы детских яслей. Работница педагогической лаборатории в г. Хабаровске Аронова заявляла: «Полное запрещение аборт несвоевременно, а необходимо только максимальное ограничение их. Женщине, имеющей 2–3 детей, в силу тяжелых материальных условий и непрочных взаимоотношений с мужем, следует разрешить аборты. Нельзя требовать от женщины, как от машины, 10–11 детей. Женщина хочет расти культурно, профессионально, повышать свой теоретический уровень, а при наличии большого числа детей и плохо развернутой сети ясельных и дошкольных учреждений ей трудно стать хорошим производственником» (Там же. Л. 378). «Детей будет много, а продукты дорогие. Нужно удешевить продукты питания, тогда и рожать можно будет больше», – заявляла жена рабочего шахты Ковалева (Там же. Л. 379). «Идея постановления хороша и в общем направлена на улучшение быта и материального состояния. На деле же так не получится – может быть, где-нибудь в Москве и других городах можно будет ее осуществить, а в сельских местностях, где хуже порядок и материальная база, это постановление поведет к подпольным абортам, а в итоге – калечению женщин», – заявляла учительница школы Арбузова (Там же. Л. 379–380). «Постановление хорошее, но оно не раскрепощает женщину, потому что женщина народит ребят и будет привязана к дому. Кроме того, в материальном отношении мы не так богаты, чтобы всех ребят кормить, выдаваемое же правительством пособие – недостаточно», – говорила колхозница Чеботарь. «Этот закон будет пригоден лишь через 10 лет. Сейчас же его издавать рано, т.к. страна наша еще бедна – правительство не способно обеспечить большую семью», – заявляла служащая Интегралсоюза Синевич. Их поддержали и мужчины. «В нашей стране законы мелкобуржуазной морали еще не изжиты, вследствие чего законопроект о запрещении аборт в силу необеспеченности некоторых семейств повлечет за собой расшатывание семьи и самоубийства», – заявлял студент Дальневосточного политехнического института (ДВПИ) Богуславский (Там же. Л. 380). «Правительственный законопроект о запрещении аборт является глупостью. Предварительно нужно было создать благоприятные условия, особенно жилищные, а затем выпускать такие законы», – высказывался врач Гутермахер. «Пусть, кто закон издает тот, эту премию (имелось ввиду оплата по декретным дням) и получает, так как она никому не нужна, никто такое большое количество детей не захочет иметь, ибо нет условий для воспитания и прокормления», – говорил директор школы Сидоренко (Там же. Л. 382). Таким образом, мы видим, что в сознании дальневосточных горожанок (и горожан) прочно укрепилась идея женской автономии, женских прав – в первую очередь, права не жить в бедности, права на образование и работу вне дома и права распоряжаться своим телом, хотя явно этот аспект нигде не звучит.

Активно критиковало новый законопроект мужское население региона, особенно в части уплаты алиментов. Они считали несправедливым тот факт, что именно на мужское население возлагалась часть ответственности за аборт, процесс развода и т.д. Тов. Митюшин (Гор-

жилсоюз): «Часто бывает, что женщина, получающая алименты, выходит замуж за другого и второй муж ее имеет высокий заработок. В таком случае, по-моему, нужно прекращать выплату алиментов» (Трудящиеся Владивостока..., 1936, с. 3). Студент ДВПИ Панкратенко в ходе обсуждения проекта закона заявлял: «Это постановление дает женщине такие права, что она теперь сядет и будет верхом кататься на нашем брате» (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 379). «Закон однобокий, т.к. по нему выходит, что кругом виноват мужчина. Вот моя жена скрутилась с другим, бросила меня, взяла с собой ребенка, т.е. виновата она, а не я. Я должен ей платить алименты», – говорил заведующий детским домом член ВКП(б) Радин. Подобную позицию озвучивал шофер совхоза Сунь-Ят-Сена Изута: «Законопроект о запрещении абортов отразится односторонне. Почему-то дается привилегия только женщинам. Вот с меня присудили платить алименты 150 руб. в месяц, а получаю только 250 руб. В результате получается, что мне будет лучше работать в концлагерях, чем за мой счет будет жить жена» (Там же. Л. 380). Его дополнял тракторист этого же совхоза Зеленский: «Это не законопроект, грабилька, т.к. в большинстве случаев виноваты не мужчины, а распущенные женщины. Алименты я все равно платить не намерен, а таких женщин, как моя жена, я душил и душить буду». После обсуждения законопроекта о запрете аборта 6 июля 1936 г. он, напившись пьяным, избил свою жену и был предан суду. Сами женщины говорили, что «неправильно будет, если за отказ платить алименты будут судить на срок до двух лет. Надо таких людей посылать на принудительные работы, чтобы и государству польза была, и ребенок не страдал», – заявляла колхозница Шульга (Там же. Л. 381).

В то же время мужчины вносили предложения по сокращению рождаемости, но не посредством абортов. Служащий рыбного треста Буриков в ходе обсуждения проекта заявлял: «Новый закон приведет к тому, что в городах у рабочих появится много детей, и они станут жить плохо. Поэтому я вношу предложение поставить вопрос перед Правительством о снижении платы – помощи матерям на многосемейность. Этим самым создадим стимул к тому, что рабочие будут иметь меньше детей» (Там же. Л. 380).

В целом дальневосточники скорее отрицательно отнеслись к законопроекту. Некоторые воспринимали его как очередные обещания государства «заботы о женщине», которое, по их мнению, будет неэффективным. «Очень много говорят о женщине, а мало делают. Для Советской власти кобылица дороже женщины. Женщину за месяц освобождают от работы до родов, а кобылицу за 2 месяца», – заявлял колхозник Ремпель. «Правительство будет только обещать, а помощи не даст – обманет. Женская доля от этого закона будет хуже. Живем мы все плохо, а народи детей, так будет еще хуже, дети с голоду начнут гибнуть», – говорила работница Коровянская. «Ждите, разевая рот, пока дадут помощь женщинам. Загрузили работой так, что идохнуть некогда. Раньше и в батраках и то работать легче было, по крайней мере, хоть норм никаких не знали, а теперь работаешь, а хлеба нет. А что будет при таких условиях, если я рожу 8 детей? Выход будет один – повеситься!», – заявляла колхозница Колесникова (Там же. Л. 382).

Согласно информации специальной сводки № 2 «О реагировании на проект закона Правительства о запрещении абортов и оказании материальной помощи многосемейным» от начальника УНКВД по ДВК от 26 июня 1936 г. с началом процесса обсуждения законопроекта о запрете абортов 4 июня 1936 г. к заведующей партийным кабинетом члену ВКП(б) Филимоновой (село Тамбовка) явилось около 10 жен военнослужащих и коллективно стали просить Филимонову, чтобы она выступила на женском комитетском собрании против закона о прекращении абортов. Явившиеся говорили: «Везде говорят, что женщина должна быть свободной, должна принимать участие в общественной работе, а если будет куча ребят, то куда с ними пойдешь. О яслях только говорят, а когда их построят, неизвестно». Когда Филимонова заявила пришедшим, что она согласна с законопроектом и выступит в его защиту, то со стороны пришедших посыпались реплики: «Мы выступим и скажем, что ты сама не рожашь, а своим выступлением обманываешь народ». В это же время заведующая Тамбовским райздравом Храпатая рассказала: «Когда вышел проект этого закона, то среди жен военнослужащих Тамбовского гарнизона поднялась целая паника. Распространился слух, что с запрещением абортов запретят и всякие предупредительные средства. Поэтому все бросились в универмаг, сельпо и аптеку и разобрали все презервативы и “преконсоль” (противозачаточные средства – *А.И.*) – брали по 200–300 штук» (Там же. Л. 383). В то же время контрацептивы рассматривались не как панацея от беременности, а как средства сомнительной защиты, приносящие больше вреда женскому

здоровью. Студент ДВПИ Рудинштейн по поводу защиты здоровья (физиологического и нравственного) говорил: «Все предохранительные средства от беременности, продающиеся в наших аптеках, приводят к быстрому изнашиванию организма человека и кроме того развращают молодежь. Следовало бы запретить продажу противозачаточных средств» (Там же. Л. 379).

Данная критика порой доходила до крайности и выражалась в общей критике советского строя, правительства и партии большевиков. «Правительство преследует определенную цель этим законопроектом, т.к. недостаток рабочих рук грозит гибелью всех планов большевиков», – говорил врач Мазаев (Там же. Л. 381). «Эти мерзавцы (властные структуры) сделают всех нищими, и новому поколению будет казаться, что так и должно быть. Лучшие рабы – это нищие, из них можно делать, что угодно», – заявлял служащий Примторга Матвеев (Там же. Л. 382).

Дискуссии, проходившие в советском обществе, представляли собой большой баланс мнений и наличие определенной аргументации в их защиту. В большей степени мнения и суждения людей излагались спонтанно, под влиянием начальной реакции, которая часто была сомнительной либо отрицательной, поскольку любая инициатива, исходящая от государства, не всегда поддерживалась общественностью сразу и полностью (как и сейчас). Однако при более тщательном подсчете в официальных документах количества мнений «за» и «против» аборт постоянно сохранялся определенный баланс, при котором количество положительных мнений было больше, на чем в итоге и базировалось окончательное решение властей принять данный законопроект. В то же время специальные сообщения, справки и отчеты органов УНКВД по ДВК, демонстрирующие реальное положение мнений и суждений населения, говорили о том, что реакция людей была порой совершенно противоположна той, на которую рассчитывали властные структуры. Естественно, данные сведения являлись секретными и не доводились до широкой общественности, а отправлялись для ознакомления высшему партийно-политическому руководству страны.

Многие мнения, высказанные дальневосточниками в ходе обсуждения законопроекта, в основном сводились к тому, что проблема аборта должна рассматриваться в индивидуальном порядке, т.е. в каждом отдельном случае вопрос о необходимости аборта должен решаться осторожно и взвешенно специальной медицинской комиссией с учетом всех присущих именно конкретной женщине и семье социальных, психологических, физиологических и медицинских факторов. Однако власть не была готова согласиться даже на подобный вариант решения проблемы, поскольку это требовало дополнительных хлопот и издержек, большого количества времени, которого не было, а главное же – не соответствовало внедряемым стандартам массовости и коллективизма, оставляло семье и женщине возможность принятия самостоятельного решения и личного выбора, которые не вписывались в логику тоталитарного и в целом патриархального государства. Очевидное неприятие идеи тотального запрета на аборт в обществе не было принято во внимание властью, поступившей исключительно по своему усмотрению, что в очередной раз продемонстрировало декларативный характер идеи «обсуждения» заранее готового закона [Стяжкина, Мирошниченко, 2012, с. 33–34].

27 июня 1936 г. по результатам всенародного обсуждения было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатежи алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе». В первых частях постановления, в частности, говорилось, что «в связи с установленной вредностью абортов было запрещено их осуществление в больницах и специальных лечебных учреждениях, на дому у врачей и на частных квартирах беременных. Производство абортов допускалось исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляло угрозу жизни или грозило тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а также при наличии тяжелых, передающихся по наследству заболеваний родителей и только в больницах и родильных домах. Любое отклонение от установленных правил производства абортов наказывалось тюрьмой для врача и штрафом до 300 руб. для женщины» (О запрещении абортов..., 1936, с. 7–11).

Прямым следствием реализации нового закона на Дальнем Востоке стало сокращение числа официально разрешенных абортов. Так, например, в Благовещенске за первое полугодие 1936 г. (до принятия постановления) было сделано 1012 абортов, а за второе полугодие в связи

с запрещением абортс – только 53. Соответственно, выросло количество родов. Если за апрель – май 1936 г. там родилось 282 ребенка, то за аналогичные месяцы 1937 г. – 537 детей. Хабаровский роддом за первый квартал 1936 г. принял 862 родов, за тот же период 1937 г. – 1092 [Кулинич, 2016, с. 63]. Всего по Дальневосточному краю в 1936 г. было 165 233 и 64 605 больничных койко-дней по поводу родов в городе и сельской местности соответственно, число койко-дней по поводу абортс составило 18 495 и 8256 (ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 6. Д. 40. Л. 3). В 1937 г. всего по поводу родов в ДВК было проведено 369 327 койко-дней по поводу родов и всего 6956 койко-дней по поводу абортс (без разбивки на города и сельскую местность) (ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 6. Д. 56. Л. 19). Однако вместе с тем рост рождаемости являлся кратковременным вследствие того, что, как предполагали граждане в своих суждениях во время обсуждения законопроекта, проблемы улучшения материально-бытового уровня жизни станут причиной нарушения закона. Так, согласно сообщению № 210/4 «О реагировании в частях 8 кавалеристской дивизии на проект закона об абортс и т.д.» от заместителя начальника Особого отдела ОКДВА и УНКВД по ДВК от 26 апреля 1936 г. супруга заведующего столовой начальствующего состава 87-го кавалеристского полка Сухих (беспартийная, имела одного ребенка) высказывалась: «Правительство неправильно делает, что выдвигает вопрос о запрещении абортс. Квартирами мы обеспечены плохо. С одним ребенком негде жить, тем более с большим количеством детей. Надо раньше создать хорошие квартирные условия, а потом ставить вопрос о запрещении абортс». Жена командира эскадрона того же полка Калашникова (беспартийная) говорила: «Запрещение абортс приведет одних к еще большему калечению, обходя медицину, а других к большему количеству детей и все то, что женщина добивалась в Советском Союзе пойдет насмарку много детей, это обуза, возня с горшками, о культурной жизни женщины говорить не приходится. Тем более что детских яслей у нас нет, а детские площадки плохо работают» (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 387). И хотя в данных высказываниях на первый план выходят материально-бытовые условия, мы можем наблюдать, что дальневосточные женщины к середине 1930-х гг. в целом усвоили и транслировали представления о собственной личной автономии и праве распоряжаться своей жизнью и своим телом.

Вместе с тем ситуацию обострял тот факт, что медицинским учреждениям было вменено в обязанность выявлять «все подозрительные случаи» и передавать информацию о них в прокуратуру для расследования и последующего привлечения к уголовной ответственности. В итоге желающие осуществить аборт стали обращаться к лицам без медицинского образования или прибегать к самоаборту. Подпольные абортарии постепенно создавались на частных квартирах граждан, в рабочих общежитиях и других местах, не приспособленных для проведения сложной операции. Женщины стали обращаться к народным целителям, «бабкам» и к другим нетрадиционным методам, что, в свою очередь, порождало рост числа смертельных случаев при подобных операциях. Одновременно с этим медучреждения рассылали «письма в парткомы, завкомы заводов со списком абортировавшихся женщин», на основании которых предлагалось при посредничестве актива жен инженерно-технических работников организовывать собрания на предприятиях. В результате интимная сторона жизни людей становилась предметом общественного обсуждения и осуждения [Кулинич, 2016, с. 64].

После введения закона, по данным официальной статистики, число абортс в стране в 1937 г. по сравнению с 1935 г. снизилось более чем в 3 раза, но в последующие годы вновь стало расти, в основном за счет внебольничных операций (80–90 % общего числа). В 1939 г. сбор статистических данных об искусственных абортс был полностью прекращен [Шапсвалова, 2011, с. 98]. Если в 1931 г. только по РСФСР было сделано 703 166 абортс (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 159. Л.3), а в 1935 г. – 1 млн 125 тыс. 432 абортс (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 435. Л. 132), в 1937 г. – 351 тыс. 768 абортс (Там же. Л. 89), то уже с 1938 г. количество абортс стало расти: с 430 тыс. 566 абортс в 1938 г. (Там же. Л. 25) до 464 тыс. 246 абортс в 1939 г., из которых вне больниц началось и было начато 423 850 абортс. Только 40 396 абортс были сделаны по разрешению врачебных комиссий в больницах. В 36 244 случаях был установлен криминальный характер абортс, 31 376 дел были переданы в прокуратуру (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 484. Л. 7). В то же время смертность вследствие нелегальных абортс в городских поселениях СССР в 1938–1939 гг. достигала 12,7 случаев на 100 тыс. женщин в возрасте 15–19 лет [Исупов, 2000, с. 135].

В целом, реализация государственной политики в сфере регулирования рождаемости в стране в целом и в ДВК в частности имела тяжелые последствия. Но политика партии и правительства в области увеличения рождаемости давала свои плоды, несмотря на сохранение прежних условий жизни и труда среднестатистической советской семьи. В некоторой степени часть населения страны и дальневосточного региона, несогласная с таким положением вещей, усиливала свою внутреннюю психологическую конфронтацию с властными структурами и в то же время была вынуждена приспосабливаться к новым реалиям жизни.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. А-374. Оп. 23. Д. 159. Л. 3; Д. 435. Л. 25, 89, 132; Д. 484. Л. 7.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 38, 378–383, 387; Ф. Р-719. Оп. 6. Д. 40. Л. 3; Д. 56. Л. 19.
- Ленин В.И.* Рабочий класс и неомальтузианство // Ленин В.И. Полное собр. Соч. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 255–257.
- О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе // Работница. 1936. № 20-21. С. 7–11.
- Постановление народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. 26 ноября. № 90. С. 474–475.
- Трудящиеся Владивостока обсуждают законопроект правительства // Красное Знамя. 1936. № 146. С. 3.
- Шверник Н.* Социализм и право на труд // Большевик. 1936. № 16. С. 40.
- Шрайбер М.Д.* Сталинская забота о женщине и детях в СССР // Дальневосточный медицинский журнал. 1936. № 4. С. 4.

Библиографический список

- Васильченко Э.А., Васильченко О.А.* Мероприятия советского государства по регулированию социально-правового положения семей на Дальнем Востоке в 20–30-х годах XX века // Женщина в российском обществе. 2003. № 1-2. С. 36–42.
- Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М.: ВЛАДОС, 1997. 305 с.
- Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
- Кулинич Н.Г.* Аборты в городах Советского Дальнего Востока: до и после принятия постановления 1936 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 1. С. 62–64.
- Савчук А.А.* Абортная культура в СССР: наказание за сексуальность // Гендерные аспекты социогуманитарного знания – III: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Пермь, 5–7 декабря 2013 г. Пермь, 2013. С. 66–71.
- Савчук А.А.* Девиации брачного поведения (половые преступления, проституция и аборты) на советском Дальнем Востоке в 1920-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 53–57.
- Стяжкина Е.В., Мирошниченко И.М.* Абортное табу 1936 г.: дискуссии в региональной прессе Донбасса // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 2 (24). С. 28–35.
- Темкина А.А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2008. 376 с.
- Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат; ЦСУ СССР, 1963. 136 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Шановалова Я.А. Государственная политика советского государства в отношении абортс в 1920–1930-е гг.: от разрешения к полному запрету // *Общество: философия, история, культура*. 2011. № 1-2. С. 96–99.

Avdeev A., Blum A., Troitskaya I. The History of Abortion Statistic in Russia and USSR from 1900 to 1991 // *Population: An English Selection*. 1995. Vol. 7. P. 39–66. URL: <https://www.jstor.org/stable/2949057?read-now=1&seq=1> (дата обращения: 07.08.2020).

Fernandez J.J. Women's Civil Rights and the Worldwide Liberalization of Abortion on Demand and for Socio-economic Reasons. URL: https://www.academia.edu/41862877/Womens_Civil_Rights_and_the_Worldwide_Liberalization_of_Abortion_on_Demand_and_for_Socio_economic_Reasons (дата обращения: 07.08.2020).

Дата поступления рукописи в редакцию 10.08.2020

DISCUSSIONS ON THE PROHIBITION OF ABORTION AMONG THE SOVIET FAR EASTERN PUBLIC IN THE 1930s: BETWEEN THE FREEDOM OF CHOICE AND STATE IDEOLOGY

A. A. Isaev

Far Eastern Federal University, Sukhanov str., 8, 690090, Vladivostok, Russia
isaev.aa@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-4750-7215

A. A. Savchuk

Far Eastern Federal University, Sukhanov str., 8, 690090, Vladivostok, Russia
savchuk.aa@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-4554-2420

The article is devoted to the reaction of the Soviet Far Eastern public on the prohibition of abortion planned in 1936. In the 1930s, this question became political because the social and economic problems of people (housing and food) which became the side effect of the socialist reforms began to influence the family. By 1936, USSR was almost a totalitarian country. The main feature for all totalitarian countries is the birth control to increase the number of children and replenish demographic losses in the present or future. This control conflicts with the reproductive freedom of women but is represented as an exclusive opportunity given by the state. Before the enactment of the law, it was submitted to the discussion of the Far Eastern people whose reaction was mostly negative because of the living conditions and the absence of contraception. Negative sentiments had both a latent reaction, which manifested itself in private conversations with relatives and colleagues, and a public reaction, demonstrated during public appearances. Central and local powers tried to extirpate all the critical moods and negative reactions with different resources including the activation of agitation and propagandistic work with the use of verbal and visual resources. Although the authorities were aware of the reaction, the law was passed. However, it led to a short-time increasing of the childbirth and then its return to the level of 1935 with women's death because of illegal abortions.

Key words: abortion, biopolitics, propaganda, Far-East krai, ideology, gender history, everyday history.

References

Avdeev, A., Blum, A. & I. Troitskaya (1995), "The History of Abortion Statistic in Russia and USSR from 1900 to 1991", *Population: An English Selection*, Vol. 7, pp. 39–66, available at: <https://www.jstor.org/stable/2949057?read-now=1&seq=1> (accessed 07.08.2020).

Fernandez, J.J. (2020), *Women's Civil Rights and the Worldwide Liberalization of Abortion on Demand and for Socio-economic Reasons*, available at: https://www.academia.edu/41862877/Womens_Civil_Rights_and_the_Worldwide_Liberalization_of_Abortion_on_Demand_and_for_Socio_economic_Reasons (accessed 07.08.2020).

Fitzpatrick, S. (2008), *Povsednevny stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city], ROSSPEN, Moscow, Russia, 336 p.

Isupov, V. (2000), *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: Historical and demographic essays], Sibirskiy hronograf, Novosibirsk, Russia, 244 p.

Kulinich, N. (2016), "Abortion in the cities of the Soviet Far East: before and after the adoption of the decree of 1936", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, № 7 (69), Vol. 1, pp. 62–64.

- Savchuk, A. (2012), "Deviation of mating behavior (sex crimes, prostitution and abortion) in the Soviet Far East in the 1920s", *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, № 1, pp. 53–57.
- Savchuk, A. (2013), "The culture of abortion in the USSR: the punishment for sexuality", in *Gendernye aspekty sotsiologicheskogo znaniya – III: materialy Tret'ey Vserossiyskoy (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenykh (Perm. gos. nac. issl. un-t, 5 – 7 dekabrya 2013 g.)* [Gender aspects of social and humanitarian knowledge – III: materials of the Third all-Russian participation) scientific. conf. students, postgraduates and young scientists (Perm State University, 5-7 December 2013)], n.p., Perm, Russia, pp. 66–71.
- Shapovalova, Y. (2011), "The State policy of the Soviet state in relation to abortion in the 1920-1930s: from solution to a total ban", *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, № 1–2, pp. 96–99.
- Styazhkina, E. & I. Miroshnichenko (2012), "Abortion taboo of 1936: Discussions in the regional press of Donbass", *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, № 2 (24), pp. 28–35.
- Temkina, A. (2008), *Seksual'naya zhizn' zhenshchiny: mezhdu podchineniem i svobodoy* [Woman's sexual life: between submission and freedom], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, 376 p.
- Uralnis, B. (1963), *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [The birth rate and life expectancy in the Soviet Union], Gosstatizdat; CSU SSSR, Moscow, Russia, 136 p.
- Vasilchenko, E. & O. Vasilchenko (2003), "Activities of the Soviet state to regulate social and legal situation of families in the far East in the 1920s – 1930s", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, № 1-2, pp. 36–42.
- Zider, R. (1997), *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoy i Tsentral'noy Evrope (konets XVIII – XX vv.)* [Social history of the family in Western and Central Europe (late XVIII – XX centuries)], VLADOS, Moscow, Russia, 305 p.